

ОСНОВЫ НАУЧНОГО **АНТИ** СЕМИТИЗМА

СЕРГЕЙ БАЛАНДИН

ИЗ ИЗРАИЛЯ —
С ПРИВЕТОМ...

Сергей Баландин

Основы научного антисемитизма

«Алисторус»

2009

УДК 32
ББК 66

Баландин С.

Основы научного антисемитизма / С. Баландин — «Алисторус»,
2009

ISBN 978-5-9265-0659-1

Многие филиалы так называемого организованного еврейства (ADL, LICRA и проч.) ведут тщательную слежку-мониторинг за проявлением «антисемитизма» в мире, накапливают уйму «фактов» и «статистических данных». Но что стоят все эти «факты», если наши почтенные исследователи никак не удосужатся определить, что это за явление такое «антисемитизм», по каким признакам одни факты к нему относятся, а другие нет? Для адекватного понимания таких объективных явлений как еврейство, сионизм, еврейский вопрос, антисемитизм, антисионизм необходимо увидеть не только внешние видимые проявления, но и их скрытую невидимую сущность, которую невозможно узреть без соответствующего теоретического метода. Этим методом и должна послужить наша исследовательская концепция, которую мы определили как научно-философскую. (Сергей Баландин).

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-9265-0659-1

© Баландин С., 2009
© Алисторус, 2009

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

С. Баландин

Основы научного антисемитизма

© Баландин С., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Наблюдайте за собою. Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему; и если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится, и скажет: каюсь, – прости ему.

Лк. 17:4–3

Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз.

Мф. 18:21–22

Предисловие

Известный афоризм: «Кто владеет информацией, тот владеет миром» неоднократно был убедительно реализован на практике деятельностью банкирского дома Ротшильдов, другими финансовыми и политическими кланами, добившимися на сегодняшний день мирового господства.

Разумеется, что та информация, которая определяет, быть тебе рабом или свободным, не подается на блюдечке с голубой каемочкой, не пропагандируется СМИ, но добывается в ходе напряженной информационной войны, в которой никогда не побеждают наивные и доверчивые, но выигрывают те, кто способен воспринимать информацию критически, фильтровать ее в своем уме, понимать ее причинно-следственные связи, что позволяет верно прогнозировать будущее и соответственно корректировать свои действия. Таким образом, для подлинного владения информацией одного знания фактов недостаточно, ибо гораздо важнее их понимание, а для этого уже требуется определенная философская теория, помогающая выстроить известные факты в цельную систему, наподобие периодической системы элементов Менделеева, где каждому элементу (факту) отведено свое место и значение.

Конечно, чтобы более-менее адекватно отражать действительность, всякая теория должна основываться на достоверных фактах (этого принципа мы постараемся придерживаться), однако есть и другое важное обстоятельство, которое не понимают «фактопоклонники» – это то, что при самых истинных посылах (фактах), выводы могут быть ложными, если эти факты обобщаются и анализируются неверными теориями. Некоторые настолько привыкли доверять «очевидному», что надеются вообще обойтись без теорий, а к нужным выводам прийти из простой среднестатистической суммы фактов, но, осознанно или нет, они-то как раз и находятся в плену у теорий. Этими теориями могут быть даже просто слова – термины, в которых формулируется та или иная мысль, и от содержательности слова зависит смысл суждения.

Так, многие филиалы так называемого организованного еврейства (ADL, LICRA и проч.) ведут тщательную слежку-мониторинг за проявлением «антисемитизма» в мире, накапливают уйму «фактов» и «статистических данных». Но что стоят все эти «факты», если наши почтенные исследователи никак не удосужатся определить, что это за явление такое «антисемитизм», по каким признакам одни факты к нему относятся, а другие нет?

Конечно, само слово «антисемитизм» – это уже теория, однако в данном случае слово (термин) есть, а теории (определения) нет, что делает такие «исследования» не научными, а наукообразными, в которых вместо точных терминов пустые ярлыки, вместо доказательств – демагогия. Таким образом, не зная точного значения термина, невозможно вообще понять, о чем идет речь, какой тезис доказывается, а какой опровергается, и в результате такие исследования оказываются совершенно бесполезными и даже вредными.

Скажу более: не умеющему обобщать и анализировать не помогут ни самые правдивые достоверные факты, ни статистические данные, и напротив, владеющему общей теорией достаточно намек, слуха, интуиции, чтобы понять, что происходит, как и почему. Так, опытному палеонтологу достаточно одного обломка окаменевшей косточки, чтобы по нему восстановить весь скелет ископаемого животного. Хороший следователь (детектив) отличается от плохого именно тем, что может восстановить картину преступления при весьма ограниченной информации, даже, порой, дезинформации, пытающейся направить следствие по ложному пути. Поэтому хороший детектив должен быть не только собирателем улик, но и философом, и психологом, а может, даже и мистиком, чтобы пользоваться как научным подходом, так и бессознательной интуицией. Герой романов Конан Дойла Шерлок Холмс в своих расследованиях

пользовался знаменитым дедуктивным методом, что позволяло ему знать не только очевидное и наглядное, но и догадываться о тайном и невидимом.

Так и нам, для адекватного понимания таких объективных явлений, как еврейство, сионизм, еврейский вопрос, антисемитизм, антисионизм необходимо увидеть не только внешние видимые проявления, но и их скрытую невидимую сущность, которую невозможно узреть без соответствующего теоретического метода – этим методом и должна послужить наша исследовательская концепция, которую мы определили как **научно-философскую**.

* * *

Чтобы поставить все точки над «i» в определении нашего метода исследования, я хочу особо подчеркнуть его философский характер в том плане, что объектами его исследования являются не реальные люди, события, факты, а их виртуальные модели. Непонимание этой особенности некоторыми критиками порой приводило к совершенно абсурдным обвинениям автора. Так, неоднократно мои оппоненты на форумах обвиняли меня в клевете, хотя я вообще всегда старался избегать говорить о каких-либо конкретных людях, событиях и фактах, подчеркивая, что мониторинг фактов не предмет философского исследования.

Обычно я спорю лишь о принципиальных вещах, часто задаю вопросы: «что вы подразумеваете под антисемитизмом», «есть ли у вас какие-либо конкретные жалобы на антисемитов», «как бы вы чувствовали себя в той или иной ситуации, если бы не были евреем?» – какая и где в этих вопросах может быть «клевета»?

Однако находят: вот, говорят, ты где-то назвал еврейство «преступной организацией», а я еврей, я что, по-твоему, «преступник»? Я спрашиваю: а разве ты себя отождествляешь с той организацией, которую я назвал «преступной»? – Нет, я отождествляю себя с еврейским народом! – А разве кто-нибудь из нас когда-либо обвинял какой-либо народ в целом и, в частности, еврейский? Разве сионские мудрецы из «протоколов» – это «народ»? – Нет.

Так и мы, и, не побоюсь обобщить, все т. н. антисемиты на протяжении всей истории всегда выступали и выступают не против народа и простых честных тружеников, а лишь исключительно против отдельных преступников и провокаторов, называющих себя «евреями» и думающих, что они представляют собой «народ».

Обратимся к юридической аналогии: юристы изучают конкретные преступления конкретных преступников, и на основании этих фактов строят теорию права, чтобы вывести единую меру для всех поступков, как совершенных, так и потенциальных, называемую Законом. Имея такую меру, можно измерить, конкретное преступление, так как Закон говорит, в чем его преступная суть, каков его состав, какова его мотивация, каковы последствия. Так, Уголовный кодекс говорит, что воровство – это преступление, совершить его, в принципе, может любой человек, но это не подразумевает, что ворами являются все люди без исключения.

Конечно, преступление, описанное в Уголовном кодексе, и преступление конкретного преступника не одно и то же, и даже если в мире не останется ни одного живого преступника, никто не будет возражать против определений Закона и обвинять его в «клевете на род человеческий» на том лишь основании, что таких преступлений в действительности давно уже нет. – Это элементарно, как говорил герой Конан Дойла, но, увы, далеко не все рассуждают так же здраво в еврейском вопросе.

Если антисемитизм осуждает еврейскую преступную деятельность, то это осуждение автоматически распространяется на всех евреев, виновных и невиновных, ибо преступникам обидно, когда антисемиты делают различия между ними и честными евреями, они раздражены тем, что «антисемиты» «неправильные», потому изо всех сил стараются убедить последних, что те не должны делать различие между евреями.

Здесь ментальность такая: если Рабинович по паспорту еврей, значит, определение еврея должно соответствовать именно ему, и неважно, совершал ли он в своей жизни что-либо специфически «еврейское» или нет, он виновен в своем еврействе по определению, но когда спросишь: «В чем состоит еврейство Рабиновича?» – то тут же обнаружится, что Рабиновича нельзя обвинять в «еврействе», что бы он там ни совершал, ибо у «еврейства» нет и не может быть никаких «специфических особенностей», поскольку все евреи разные, а раз так, то и определение понятию «еврейство» дать нельзя. Но, в то же время, этим понятием пользуются направо и налево, как будто оно не выдуманная кем-то идея, а реальность, имеющая в себе некое объективное содержание.

Спорить с этими людьми, как правило, очень трудно, ибо чувство здравого смысла здесь им напрочь отказывает. Они могут вам привести, например, такие «определения»: «Еврей – это тот, кто родился от матери еврейки», или «Еврей – это сын еврейского народа», совершенно не отдавая себе отчет в той грубейшей тавтологии, которую они здесь пытаются выдать за «определение», т. е. когда предикат (сказуемое) по объему понятия совпадает с субъектом (подлежащим суждения) – поди теперь определяй, кто такая «еврейская мама», или «еврейский папа», или «еврейский народ» – все та же Маня, да в другом сарафане. Но тех же самых людей, наверно, покоробит что-нибудь подобное в юриспруденции, например: «Преступники – это лица, совершающие преступления, а преступления – это все, что совершают преступники».

Мы же постараемся дать четкие однозначные определения и «еврею», и «еврейству», и «еврейскому народу», и всем остальным необходимым для нашей концепции терминам, и будем держаться их до конца, независимо от того, подходит под них тот или иной известный нам факт или нет, ибо все, что исключается из объема настоящих понятий, нерелевантно нашим рассуждением, не имеет отношения к доказываемому или опровергаемому тезису.

Наша задача не обличать и не обвинять конкретных людей, хотя мы и располагаем некоторыми компрометирующими кое-кого фактами, тем не менее не распространяем факты ни на кого более, кроме как на тех, кто имеет к ним непосредственное отношение, но эти факты, мы, безусловно, вправе обобщить термином: «преступная организация».

Также невозможно оспаривать факт, что антисемитизм обвиняет еврейство в преступной деятельности – и этот тезис будет корректен даже в том случае, если все антисемиты всегда обвиняли евреев ложно. Возможно, кому-то и хотелось бы, чтобы «антисемиты» ненавидели евреев исключительно за форму носа или за кучерявые волосы, но это, к их сожалению, не так, и утверждать, что антисемит осуждает в еврействе что-либо, кроме преступной сущности, суть глубочайшее заблуждение, если не умышленная клевета и фальсификация антисемитизма.

В любом случае, мы исследуем причины конфликта, а не доказываем, кто в том или ином случае прав, кто виноват, поэтому, если за что и можно критиковать философа, то лишь за некорректность рассуждения и ошибочность выводов. Все те факты, которые приводятся в философском исследовании, даются лишь в качестве примера, пояснения, иллюстрации мысли, но никак не в качестве основополагающих посылок, на которых строиться вся концепция.

Факты, как правило, берутся из других источников, на которые даются ссылки и за достоверность которых философ ответственности не несет. Есть и другого рода исследования, которые также не берут на себя ответственность за информацию, например, художественное исследование Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Разве вся содержащаяся там «информация» чистая юридическая правда? – Нет, конечно, но даже советский режим не смог предъявить автору обвинения в клевете.

Следует еще заметить, что такие понятия, как «ложь», «клевета», «вранье» и т. п. типичны для дискурса дешевой массовой пропаганды, направленной на эмоции «людей маленького мира». Нас же моральная оценка «вранья» как такового мало интересует. В самом деле, что подразумевается, когда говорят, что такой-то человек «врет»? Не значит ли это, что

его мнение расходится с другим мнением, или, точнее сказать, общепринятым мнением, навязанным чьей-то пропагандой? Замените слово «врет» на «высказывает иную точку зрения» – логически смысл сказанного не изменится, но изменится дискурс: в первом случае это дискурс тоталитарного обскурантизма, в каждой мысли усматривающий «мыслепреступление» и ложь, и в принципе, это действительно так, ибо, как известно, «всякая изреченная мысль – ложь», иными словами, «вранье»; во втором случае – это дискурс свободомыслия, предполагающий право заблуждаться и уважающий своего оппонента даже тогда, когда он неправ (да и какой смысл был бы в дискуссии, если бы все оппоненты всегда утверждали одну «правду»?).

Кто прав, кто не прав – давайте разбираться, давайте аргументировать свои утверждения и опровергать те, которые мы считаем ложными, при этом референцией истинному и ложному будем брать только те положения, истинность которых разделяется обеими спорящими сторонами, ибо там, где нет каких-либо общих точек зрения, там не может быть вообще никакой дискуссии.

* * *

Идея о том, что разные люди могут иметь какой-то общий опыт в познании окружающей действительности, общие чувства и переживания, так же чужда доктринерскому тоталитарному сознанию, как и идея, допускающая право на разные мнения. Ни опыт, ни чувства для доктринера никогда не являлись референцией «правильному – неправильному», единственным критерием для него испокон веков была догма – раз и навсегда принятый императив, не требующий себе никаких доказательств и обоснований. Потому догматики испокон веков скептически относились к истине как таковой; тем более странно до смешного слышать проклятия «вранью» из уст тех, кто тут же при всяком им удобном случае уверяют, что «абсолютных истин» не бывает.

Теперь давайте для сравнения представим себе иную ситуацию: некто пишет исследование по нацизму, находится немец, который обвиняет автора в «клевете на немецкий народ» и аргументирует так: «Я сам немец, но описываемых вами преступлений не совершал». Тут, конечно, ему возразят: речь идет не обо всех немцах, а только о нацистской организации. Но наш обвинитель не унимается: «Нет, нацисты считали себя представителями всей немецкой нации, даже более того – всей арийской расы и авангардом всей европейской христианской цивилизации». Теперь уже наш антифашист «оклеветал» не только немцев, но и весь «белый» христианский мир. Счастье последнему, что в данном случае субъекты культуры, религии, расы, народа и преступной организации у немцев называются разными словами, иное дело у евреев. Что такое «еврейство»? – Раса? Народ? Религиозная секта? Политическая партия? – Никто определенно не скажет, наоборот, будут под этим словом подразумевать то одно, то другое, то третье.

Канадский исследователь т. н. «сионизма» Майкл Нойман в своей статье «Что такое антисемитизм?» сравнил эту путаницу, зачастую преднамеренную, с игрой в наперсточки:

«Антисемитизм», в прямом смысле слова не означает ненависть к семитам, если не путать этимологию с определением. Антисемитизм – это ненависть к евреям. Но здесь мы немедленно сталкиваемся с отработанной игрой в наперсточки: кто такие евреи: «Смотри! Мы – религия! Нет! раса! Нет! культурное сообщество! Нет, извините – религия!» Когда нам эта игра надоедает, нас надувают другой, в которой «антисионизм это антисемитизм!» быстро меняется на «не путайте Сионизм с Иудаизмом! Да как вы смеете! Вы антисемит!»¹.

А израильтянин Исраэль Шамир в своей статье «A Yiddishe Medina» сравнил еврейство с самолетом-невидимкой:

¹ Michael Neumann. What is Antisemitism? // <http://www.balandin.net/Neumann.htm>

«Понятие „еврейства“ стало туманным. Стали ли мы, потомки евреев, гражданами своих стран, или мы граждане „еврейского народа“? Существует ли вообще еврейство как некое государство, или это просто фигуральное выражение? Парадоксально, но еврейские лидеры хотят, чтобы еврейство было чем-то вроде самолета-невидимки Stealth: то его видно, то нет. Оно бомбит и стреляет, но невидимо для зенитной артиллерии»².

Вот для этого и нужна философская концепция, чтобы увидеть эту невидимку и выследить ее под любыми наперсточками, масками и обличьями. Теперь настало время перейти к рассмотрению самой концепции.

---

² Israel Shamir. A Yiddishe Medina // <http://www.israelshamir.net/English/Medina.htm>

Часть первая

Что такое научный антисемитизм?

Выше мы уже отметили, что само слово «антисемитизм» – это уже теория, ибо, как и всякое понятие, своим содержанием определяет смысл любого высказывания, которое его содержит. В зависимости от трактовки этого слова простая фраза: «Ты антисемит» – может восприниматься или как оскорбление, или как комплимент или не значить вообще ничего, поэтому ключ к владению умами находится в толковании слов, недаром сказано в Евангелии: «В начале было Слово». Но владеет этим ключом не тот, кто просто, как попугай, повторяет чужие слова, а тот, кто устанавливает значения, содержания слов, их всевозможные коннотации (побочные смыслы) и степень политкорректности, внушая эти содержания массам через СМИ, искусство и литературу. Так, например, СМИ проделали огромную работу, чтобы внедрить в сознание масс ряд никем и никогда не растолкованных слов: «левые», «правые», «красные», «оранжевые», или чтобы придать некогда ясным словам значение ругательств: «космополиты», «сионисты», «миссионеры», «либералы» (в произношении «либерасты»). В свою очередь, «либералам» удалось в их сфере влияния закрепить за словом «национализм» отрицательную коннотацию, в итоге, многие стали воспринимать слово «националист» как синоним «антисемита», и однажды я был свидетелем замечательного курьеза, когда один еврей, истовый сионист, выговаривал еврея либерального: «Да я вижу, вы националист, уж очень вам не хочется быть евреем». – Было бы смешно, если бы не было так грустно. Как теперь люди вообще могут разговаривать друг с другом? Вавилонское смешение языков! И этой неразумной массой можно манипулировать как угодно, никто этого даже и не заметит.

Еще более негативной аурой окутали слово «антисемитизм», и притом так, что какого-либо объяснения этого термина не знает никто! Часто приходится слышать: «Ты пытаешься прикрыть свой антисемитизм» – я готов согласиться со своим «антисемитизмом», но почему его нужно «прикрывать»? Разве евреи «прикрывают» свое еврейство? Так почему же мы должны прикрывать свою позицию, свою веру, свое отношение к евреям, или «антисемитизм» преступление какое, которое нужно совершать тайно? Тогда в чем его состав?

Никто еще мне не ответил на эти вопросы, не нашел я ответа также и в специальной серьезной литературе, посвященной антисемитизму. Так, например, автор солидной монографии «История антисемитизма» Лев Поляков, на 26-й странице, спохватившись, что термин до сих пор не был определен, пытается исправить свое упущение и пишет: «... Антисемит... Необходимо договориться о постоянном значении этого понятия».

Наконец-то, – думаем мы, – и он прозрел, да, необходимо и давно пора! Но только было высказано сие благое пожелание, как автор тут же о нем забывает и переключается на совершенно другую тему; необходимость «договориться о постоянном значении этого понятия» была высказана, но, тем не менее, «воз остается и ныне там». Может быть, автору представляется, что для нас понятие «антисемитизма» давно стало понятным и само собой очевидным по тем высказываниям о евреях, которые он цитировал время от времени на страницах своей книги?

Да, в таком случае «антисемиты» буквально все, кто что-либо говорит о евреях. Совсем недавно в своей книге «Евреи, Диссиденты, Еврокоммунисты» Сергей Кара-Мурза справедливо заметил: «Если уж от нас скрывают, что такое антисемитизм, то скажите хотя бы, что не считается антисемитизмом!»

А сам корифей «антисемитизма» академик Игорь Шафаревич в одном из своих недавних интервью сказал: «Я обсуждал там вопрос о том, является ли такая позиция антисемитизмом или нет. И высказал точку зрения, что совершенно не понимаю, что такое антисемитизм: это

неприязнь к каким-нибудь определенным национальным чертам еврейского характера, или к наружности, или желание каким-то образом ограничить возможности евреев в жизни? Или, как у Гитлера, стремление или хотя бы выражение желания их физически уничтожить? И вообще, что это такое? Я подчеркнул, что, когда этот термин употребляется, он никогда не поясняется. А это есть способ влияния на массовое сознание, которым создается аморфный термин, который находится вне сферы логических рассуждений, уже по своему аморфному характеру. Он логически не обсуждается, и поэтому возражать против него невозможно. Он только создает атмосферу чего-то чудовищного».

Здесь мы не можем не согласиться с Шафаревичем, разве что попутно следует заметить, что в свете этих справедливых рассуждений ему также, свою очередь, неплохо было бы разъяснить своим читателям, что такое «русофобия», какие конкретно правонарушения должен совершить человек, чтобы ему можно было инкриминировать сие «преступление».

Итак, Поляков – корифей по истории антисемитизма – не знает, что такое «антисемитизм», Солженицын – автор фундаментальных трудов по еврейскому вопросу, таких, как: «Евреи в СССР и в будущей России», «200 лет вместе» и др. – не знает, что подразумевается под этим словом, Кара-Мурза – эрудит и философ, также занимавшийся еврейской проблемой, не только не знает, что подразумевается под «антисемитизмом», но даже и что под ним не подразумевается. И при этом некоторые из наших оппонентов позволяют себе с апломбом заявлять: «антисемитизм четко определен». Ладно, в конце концов, я бы простил этот апломб, если бы мой оппонент притом дал бы какое-нибудь свое ясное понимание вопроса, во всяком случае, если ты кого-то критикуешь за что-то «неправильное», то хотя бы покажи, что, по-твоему, есть «правильное», но, увы, такой оппонент мне еще ни разу не попадался, все, в основном, такие «умные», что считают ниже своего достоинства что-либо разъяснять «профанам» и «антисемитам». Может быть, вы, дорогие читатели, знаете, что такое «антисемитизм»? Тогда напишите мне, буду очень рад.

Часто и многим я задавал такой вопрос: «Антисемит, это кто?». – Как кто? – говорят. – Естественно, тот, кто не любит евреев. Тогда я спрашиваю: «Антисемит не любит абсолютно всех евреев без исключения, или некоторых он любит, а некоторых нет?» – Ну, разумеется, у каждого антисемита есть некоторые евреи, которых он любит³. – Хорошо, – говорю, – а тех некоторых, которых не любит антисемит, он не любит тотально, не любит абсолютно все, что бы евреи ни делали, ни говорили, ко всему антисемит будет относиться враждебно, все будет оспаривать, будь то еврей скажет, что «дважды два – четыре», – так? Нет, – говорит, – антисемиты иногда соглашаются с евреями, пользуются их услугами, их умом и трудолюбием и даже бывают ими довольны. – Значит, – говорю, – враждебность вызывают не сами люди, а их определенное поведение, конкретные действия, так? – Так. – Но могут ли хорошие поступки и добрые дела у всех поголовно вызывать враждебность? – Да, вот у антисемитов именно так. – Значит, евреи испокон веков делали антисемитам одно добро, проявляли по отношению к ним братскую любовь, никогда их не презирали, не держались надменно, не проявляли черствость и равнодушие, а к ним в ответ вот такой черной неблагодарностью? – Ас какой это стати еврей должен антисемитов любить и относиться к ним неравнодушно? Пусть сами о себе заботятся. – Они и заботятся, но с какой стати вы требуете от них любви?

Что в итоге получается? «Антисемит» – это тот, кто не любит евреев, однако некоторых любит, да и первых иногда любит, а иногда не любит – что-нибудь здесь можно понять и определить? И это еще не все, непонимание обнаруживается также в вопросе: за что именно ненавидит евреев антисемит? Говорят, что расисты, например, не любят негров за то, что они черные – это плохо, но, во всяком случае, здесь понятно, за что, т. е. не любят за какие-то

³ Соломон Динкевич в своей книге «Евреи, иудаизм, Израиль» пишет: «Аксиомой антисемитизма стало заявление почти каждого известного антисемита, что в числе его лучших друзей имеется еврей».

определенные качества, как только сии качества (чернота) исчезнут – сразу начнут любить и уважать. Но вот, как только мы начинаем доискиваться до специфических еврейских качеств, тут нам и говорят, что это и есть «антисемитизм чистой пробы», так как у евреев, мол, нет и не может быть каких-либо особых качеств, они ничем не отличаются от не-евреев, более того, евреи порой сильнее отличаются от иных других евреев, нежели от окружающих их гоев, и среди них есть, так же как и среди прочих народов, люди как и хорошие, так и плохие, так и всякие. Правильно, есть, только мне непонятно, почему же эти всякие «евреями» называются, если нельзя сказать что-нибудь типа: «все евреи, или в основном, ТАКИЕ-то», и почему тогда антисемит называется «антисемитом», а не «антивсяким мизантропом»?

Я также часто спрашиваю евреев, любящих поругать антисемитов: «Поставьте вы себя на место антисемита и подумайте, за что бы вы могли не любить таких, как вы?» Большинство отвечают: «За то, что евреи всех гоев в уме превосходят», а меньшинство, те, что не нашли в себе ненависти ко всем, кто их в чем-то превосходит, оказываются обескураженными моим вопросом и говорят: «Мы не знаем». Но раз не знаете, почему бы хоть раз не спросить и не прислушаться к мнению тех, кто вас «не любит»? Но «логика» тут такая: раз не любит, значит «антисемит», а раз «антисемит», то его и слушать не стоит, он все равно ничего правильного не скажет.

Иногда понятие «антисемитизм» совершенно некорректно отождествляют с понятием **юдофобия** – неосознанное психологическое чувство неприязни к евреям. Даже сам термин «антисемитизм» нередко трактуют как синоним слова «юдофобия». Так, например, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона прямо и написано: «Юдофобия, то же, что антисемитизм». Интересно, что авторы словарей порой фиксируют всевозможные расхожие заблуждения относительно смысла слов и при этом забывают указать их первоначальное значение, историю и даже этимологию. В частности, нетрудно увидеть, что в самом термине «анти-семи-тизм» уже заложено его определение – это позиция, отрицающая семитизм, откуда следует, что без определения понятия «семитизм» невозможно сказать, за что и почему его отрицают, потом, умалчивается первоначальное значение термина «антисемитизм», которое было дано его автором немецким публицистом Вильгельмом Марром, впервые употребившим термин «Antisemitismus» в своем памфлете «Der Sieg des Judentums über das Germanentum» (Победа иудаизма над германизмом), изданном в 1879 году. Новые толкователи марровского термина полностью игнорируют тот факт, что собственно термин был введен в обиход именно для того, чтобы применять его в теоретическом, научном смысле, так как старый термин «Judenhass» (ненависть к евреям) не отражал никакой определенной позиции и давно уже потерял всякую референцию в действительности, а как пустой ярлык он не мог быть предметом серьезного исследования или хотя бы чем-то, о чем можно как-то здраво рассуждать. Что же касается беспричинной ненависти или всяких там фобий к евреям, то если где-то такие и существуют как экзотические психиатрические патологии, они, разумеется, никак не могут быть научными, но антисемитизм как теоретическая позиция – вполне, и все, кто только научно ни исследовал еврейский вопрос, пусть то даже и сами евреи-сионисты, такие, как Пинскер, Герцль, Нордау и др., на самом деле занимались научным антисемитизмом, возможно, и не подозревая о том, что их исследования могут быть названы таким термином, ведь не подозревал же один мольеровский герой, что говорит прозой.

Поэтому, чтобы быть корректными в терминах, нам следует отличать понятие «антисемитизм» от «юдофобии». Что означает само слово «юдофобия», какова его этимологическая природа? Совершенно очевидно, что юдофобия (дословно – фобия, нетерпимость к евреям) есть разновидность ксенофобии (нетерпимость к чужому), что, в свою очередь, является разновидностью фобии – психологической нетерпимости, чувства страха или неприязни к чему-либо (так, есть люди, что боятся тараканов или мышей, и сами не могут объяснить, почему). Нередко конфликты с евреями происходят только потому, что кому-то не нравится, что рядом

с ним живут люди не совсем такие, как они: фамилия не так звучит, воспитание не то, «не наше», не те интересы, не тот образ жизни. Короче, еврей «другой», и ксенофобу это непере- носимо. Но «другим» может быть не обязательно еврей, им может быть, например, чеченец или армянин, или даже человек той же национальности, но другого воспитания или вероиспо- ведения (так, например, православные нередко проявляют настоящую фобию по отношению к баптистам или свидетелям Иеговы, называя их «заморской нечистью», и конфликт тут, надо думать, отнюдь не в богословско-догматических расхождениях, ибо те же «верующие» вполне терпимо относятся к «доморощенным» богомерзким ересям, но не прощают, когда «свой» принимает что-то «заморское»). К евреям также нередко относятся как к «заморской нечи- сти» – это плохо, но при чем здесь антисемитизм? Даже собственно о юдофобии справедливо говорить только тогда, когда ксенофоб ко всем «заморским нечистям» относится вполне тер- пимо, но лишь одних евреев не переваривает.

Всегда ли фобия или ксенофобия заслуживает осуждения? Я думаю, не всегда, ибо, как говорится, чувству не прикажешь, поэтому нельзя не признать, что ксенофобия до определен- ной границы вполне допустима, ибо каждый имеет право кого-то любить, а кого-то не любить. Однако, если ксенофоб выражает свои чувства открыто, тем самым незаслуженно оскорбляя людей, мы такого ксенофоба называем хамом. Разумеется, мы осуждаем хамство и по отноше- нию к евреям, и по отношению к кому бы то ни было, но если уж осуждать ксенофобов, выхо- дящих за рамки допустимых границ, то, следует осудить не только проявления ксенофобии у антисемитов по отношению к евреям, но и у евреев по отношению к антисемитам. Тогда спра- ведливо будет спросить: кому же больше присуща ксенофобия, антисемитизму или еврейству? И тут, безусловно, пальму первенства нужно будет отдать в руки еврейства, ибо, если у анти- семитов ксенофобия проявляется отнюдь не у всех и не всегда, то у еврейства, особенно орто- доксального и сионистского, антисемитофобия, гоефобия является неотъемлемым атрибутом, и исключений практически нет, так как еврей, не чувствующий в себе ксенофобии по отно- шению к гоям, так или иначе будет стремиться к сближению с последними, что, в конце кон- цов, приведет к ассимиляции. Поэтому, таких евреев мы полностью вычеркиваем из понятия еврейства как субъекта еврейского вопроса, а ксенофобию оставляем определяющим призна- ком всего еврейства. Таким образом, осуждая ксенофобию, мы осуждаем частично гойство, но в гораздо большей степени еврейство, из чего следует, что осуждение ксенофобии как таковой есть опять-таки не что иное, как форма антисемитизма.

Итак, мы пока не нашли ясного понимания вопроса: что такое антисемитизм ни специ- альной литературе, ни в обыденном языке, поэтому, не имея в наличии никаких альтернатив- ных концепций по этому вопросу, мы считаем для себя вполне приемлемым и необходимым создать свою, при этом даже не опасаясь вступить с кем-либо в противоречие, ибо всякое про- тиворечие будет означать альтернативную концепцию, чего наши оппоненты вряд ли когда- нибудь осмелятся создать и противопоставить, ибо вся сила мифа об «антисемитизме» как раз и состоит в его неопределенности, аморфности, это не что иное, как уловка, позволяющая уйти от решения конкретных спорных и конфликтных вопросов. Ярлык «антисемитизма» – универсальный ключ ко всем проблемам, например:

– Абрам, ты мне должен три рубля.

– Ничего я тебе не должен, потому что ты антисемит.

Это, конечно, примитивный пример, но разве, когда, скажем, Эмнести Интернэшнл и другие правозащитные организации предъявляют претензии к Израилю за нарушение прав палестинцев, но, вместо ответа, Израиль обвиняет их в антисемитизме, – это не та же ли уловка? Когда Российское правосудие пытается привлечь к суду российских олигархов за финансовые преступления, но в ответ президента России называют «антисемитом» – не та же уловка? Я не знаю, может, где-то прав и Израиль, а где-то и олигархи, давайте разбираться, но без ярлыков и дешевых психологических уловок, все можно решить, не примешивая эпитетов

«еврей», «антисемит», «русофоб» и т. п., как будто «евреи», «русофобы» и «антисемиты» уже не рассматриваются как люди и субъекты права. В действительности же подобные эпитеты не имеют под собой абсолютно никакого смысла, кроме как, разве что, в смысле комплиментов: ты антисемит? – ну и очень хорошо, это значит, что ты противник еврейского расизма и шовинизма, а русофоб – противник русского хамства и свинства и т. д. Поэтому и мы позволим себе понимать термины «антисемитизм», «русофобия» и т. п. по-своему, в самом положительном смысле, ибо и «антисемитизм», и «русофобия» как явления часто представляют собой совершенно естественную и здоровую реакцию на те безобразия, которых «политкорректное» общество старается умалчивать.

Израильский ивритоязычный публицист Анатолий Кристал в своей статье об антисемитизме хорошо заметил по этому поводу: «То, что называется „антисемитизмом“, есть не что иное, как естественная и понятная реакция на еврейскую спесь, на то презрение, которое евреи питают по отношению к не-евреям. Фактически, антисемиты – это зеркало, чрез которое просматривается расистская рожа еврейства. Обвинить антисемитов – значит обвинить зеркало нашего этического уродства. Напротив, разумный человек должен попытаться исправить те изъяны, на которые указывает зеркало»⁴.

Впрочем, антисемиты в своей «реакции» на евреев отнюдь не всегда бывают объективны, как и евреи в своей на антисемитов. К сожалению, оскорбленное чувство справедливости по отношению к себе не всех обязывает также быть справедливым по отношению к другим, однако ярлык «антисемитизма» не различает справедливую критику евреев от несправедливой, в этом-то и состоит вся путаница. Мы же ведь не называем «антифашизмом» любые уголовные преступления против немцев, «атеизмом» – проявления вандализма на святых местах, «антикоммунизмом» – пьянство и разгильдяйство в трудовых коллективах бывшего Советского Союза. Вот и здесь я предлагаю все вещи называть своими именами: расистское отношение к евреям – расизмом, шовинистское – шовинизмом, хулиганское – хулиганством, ксенофобское – ксенофобией или, если хотите, юдофобией, вандализм – вандализмом, дискриминацию по национальному признаку – дискриминацией, клевету – клеветой, диффамацию – диффамацией, провокации и подстрекательства – провокациями и подстрекательствами, демагогию – демагогией, а очищенную от всех этих противоправных и аморальных проявлений критику еврейства назовем НАУЧНЫМ АНТИСЕМИТИЗМОМ. Что еще надо для вполне ясной ориентации в еврейском и других национальных вопросах?

* * *

Начнем раскрывать нашу концепцию, что называется, ab ovo (от яйца), т. е. из единого зерна, от главного тезиса путем анализа и определения его составляющих. Таким главным тезисом для нас является **еврейский вопрос** – вопрос, о котором, так много говорят, по которому имеется так много различных точек зрения и так мало между ними обнаруживается единства взглядов, что вряд ли даже можно сказать, имеется ли хотя бы общее представление о том, что это такое вообще, понимают ли люди тот предмет, о котором говорят. И тем не менее еврейский вопрос – это не праздное умствование и не нечто не столь актуальное, о чем можно забыть и не вспоминать энное количество времени, как, например, вопрос о летающих тарелках, до тех пор, пока какая-нибудь тарелка сама не свалится нам на голову, пока «рак на горе не свистнет» или, как говорят евреи, «Машиах яво» (Мессия придет); увы, этот вопрос, хотим мы того или нет, сам напоминает нам о своем существовании, постоянно обрушиваясь на наши бедовые головы, ибо евреи не гипотетические пришельцы и не цивилизация, живущая от нас за

⁴ <http://www.israelshamir.net/Hebrew/Heb5.htm>.

тридцать земель, они живут среди нас, они претендуют жить в тех «местах под солнцем»⁵, где претендуем жить и мы, они стремятся вытеснить оттуда нас и наших потомков, они всячески ущемляют нас в правах и лишают средств к существованию.

По какому праву они на все это претендуют? – спросите вы, – на каком основании одни должны жить лучше других, чем, собственно, они это заслужили? – В том-то и дело, что ничем не заслужили, и нет у них вообще никаких особых заслуг, кроме одной: они евреи. Сию мифическую «заслугу» они не только приписывают себе сами, но нередко и не-еврейское общественное мнение в том их всячески поддерживает, не понимая, что, проявляя «филосемитизм», оно тем самым проявляет терпимость к расизму, правовой дискриминации и, в конце концов, само себе роет яму. Да, тот, кому безразлична его судьба и судьба его детей, может не обращать внимания на этот вопрос, ежели нет, мы приглашаем его и также всех заинтересованных поразмышлять о наших проблемах вместе.

Прежде всего, нам нужно сформулировать, наш главный тезис и предмет нашего исследования, дать ему общее определение, а потом, если общее окажется недостаточным, идти к определению частных, когда же с частностями будет более-менее ясно, мы сможем обратно вернуться к общему уже с определенным заключением. – Таков в общих чертах план нашего исследования.

* * *

Итак, что такое еврейский вопрос? Мы думаем, что не вызовем особых возражений наших оппонентов, если скажем:

Еврейский вопрос – это конфликт между евреями и не-евреями (гоями). Однако из этого определения еще не понятно, в чем суть этого конфликта-вопроса, ибо конфликты бывают не только между евреями и гоями, но также и между самими евреями, и между самими гоями, более того, не всякий конфликт между евреем и гоем возникает на почве антисемитизма, а следовательно, не может быть отнесен к еврейскому вопросу. Наша задача определить тот конфликт, который является прямым следствием специфических особенностей евреев и не-евреев, типичных стереотипов их поведения, (парадигм), и найти, в чем эти особенности противоречат и противостоят друг другу. Но, чтобы уяснить принципиальные отличия еврейского вопроса от всех прочих конфликтов, необходимо также рассмотреть всевозможные виды общественных конфликтов, проблем, противоречий и классифицировать их по категориям, как то: национальный конфликт, религиозный, классовый, культурный и т. п., о чем мы поговорим ниже.

Но, прежде чем определить специфику этих противоречий, попробуем уяснить для себя, в чем суть общественных противоречий (антагонизмов) вообще, есть ли существенные отличия противоречий социумов от противоречий между отдельными индивидами? Вопрос этот здесь отнюдь не лишний, ибо многие пытаются свести все конфликты с евреями к конфликтам с отдельными антиобщественными элементами, противоестественно присутствующими в нееврейской среде, заклеяменными как «антисемиты» – они, мол, некая патология, язвы общества, и если бы не они, то все в мире было бы «тип-топ».

Некоторые даже говорят: «никакого еврейского вопроса не существует, все это выдумки злобных антисемитов» – ой, не спешите, господа, не спешите, вы даже не подозреваете, какую свинью подкладываете таким утверждением самому еврейству, вы явно забываете, что еврейский вопрос – это единственное обоснование доктрины сионизма, ибо без него сионизм будет

---

⁵ «Место под солнцем» – так называется книга бывшего премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньягу, завоевать «место под солнцем» для Германии было целью политической программы Гитлера, борьбой за «место под солнцем» можно охарактеризовать не только цель Нетаньягу и Гитлера, но и суть всякой националистической политики.

выглядеть попыткой решения несуществующей проблемы. Поэтому сионисты даже порой как бы умоляют гоев: «Гююшки, ради бога, побудьте немного антисемитами, нет, даже расистами и нацистами, а то у нас не будет никаких причин поступать точно так же с вами в Израиле, и, не ровен час, без вашего антисемитизма мы и исключительное право на Израиль потеряем, да и многие другие привилегии, что мы пробили себе, основываясь на том, что мы-де такие везде гонимые и нас всюду ненавидят». Или основатель сионизма Теодор Герцль ничего не понимал, когда писал: «Все народы, у которых живут евреи, явные или замаскированные антисемиты»?⁶

Тогда несколько странными выглядят такие, например, утверждения: «Антисемитизм есть комплекс двоечников», – пишет в одноименной статье известная диссидентка Валерия Новодворская. – Возможно, у некоторых двоечников и есть такой «комплекс», ибо люди простые и бесхитростные чаще всего становятся жертвами еврейского «ума», хотя, наверно, не все двоечники антисемиты, да и среди самих евреев встречается немало двоечников, также и антисемитизм – «комплекс» отнюдь не одних «двоечников», о чем забывает или умалчивает Валерия Ильинична. Впрочем, сие мнение можно оправдать определенным принципиальным максимализмом, который я всегда ценил в Новодворской, да и, сказав так, она была в какой-то степени права, но права только в том месте и в то время, когда это было сказано. В кругах доперестроечной советской интеллигенции антисемитами считались все те, кто так или иначе различал в евреях евреев. Настоящий интеллигент и к еврею и к не-еврею всегда относился одинаково – как к человеку. Но как применить такую позицию к среде евреев, которые не только очень даже различают евреев в самих себе, но также различают в гоях гоев, что и дают последним недвусмысленно понять? Это какой «комплекс», «отличников», что ли? А как назвать гою, который не желает считать себя гоем и принимать еврейский дискурс? – Выходит, что тоже антисемитом.

Однако некоторыми людьми не столь честными и принципиальными «комплекс двоечников» огульно приписывается всем антисемитам без исключения, даже если таковыми являются лауреаты Нобелевской премии. Так, например, один из наиболее мною почитаемых писателей Владимир Войнович в одном из своих далеко не самых удачных сочинений «Портрет на фоне мифа» высказал следующий «перл»: «... От антисемитов в буквальном смысле воняет». Сказано это было сперва в самом абстрактном смысле, наподобие «двоечников» Новодворской, но тут же выяснилось, кто конкретно подразумевается под «вонючим двоечником», им оказался не кто иной, как Александр Исаевич Солженицын, стало быть, по логике Войновича, от него тоже «воняет», причем, в первую очередь. А какие же есть основания у Войновича причислить Солженицына к «антисемитам»?

Смеяться будете, ибо то, что он дальше пишет, нарочно не придумаешь: «Когда одни люди упрекают Солженицына в антисемитизме, другие начинают кричать: „Где? Где? Укажите!“ Укажу. Например, в „ГУЛАГе“. На берегах Беломорканала он бы выложил дюжину еврейских фамилий начальников строительства». – Вот так-то вот, назвал еврейскую фамилию, и от тебя уже воняет «антисемитом». Также не менее уважаемый мною историк Геннадий Костырченко, не побоявшийся разоблачить еврейский «миф о депортации» в книге «Депортация-мистификация», в другой своей тенденциозной статье «Из-под глыб века» сам обвиняет Солженицына – своего коллегу по разоблачению еврейских мифов в «антисемитизме». В чем же он состоит, сей «антисемитизм»? Цитируем (комментарии, выделенные курсивом, мои):

«...Соответствующим (антисемитским) духом пронизан сформулированный им в то время (60-е годы, хотя, в общем-то, критикуется книга, написанная уже в третьем тысячелетии, но неважно) проект решения „еврейского вопроса“ в посткоммунистической России, состоящий из следующих основных моментов: (каких же) – „свободный выезд в Израиль всем желающим“ (а, вот в чем „антисемитизм“? нет? пойдём дальше); – для всех остающихся

⁶ Теодор Герцль. Еврейское государство.

и заявляющих себя русскими евреями – полная религиозная свобода, культурная автономия (школы, газеты, журналы, театры). Ни в чем не мешать им ощущать себя нацией! (*О, это уже антисемитизм махровый!*) Но в занятии высших государственных должностей – примерно те же ограничения, что и сегодня (*ну здесь, слава богу, Солженицын в своем антисемитизме не идет дальше принятого советского законодательства, обеспечивавшего евреям наиболее престижные рабочие места*) – кто полностью откажется от еврейства, заявит себя „по душе – русским“ и „практической работой“ в течение нескольких лет, „может быть“, „и в северной глуши“, докажет это (*смысл слов о „северной глуши“ несколько извращен, никого на „перевоспитание“ на Север Солженицын отправлять не предлагал*) тот – „полный гражданин новой России“ (*это самое страшное! Он хочет сделать евреев полноправными гражданами, а стало быть, ассимилировать и превратить их в гоев, на это даже Гитлер не посягал!*). ...„Кроме того, писатель советовал евреям ради собственной пользы перевоспитаться – отказаться в отношениях друг с другом от „взаимного благоприятствования“, „ввести для себя правила самоограничения“, не выражать „не только внешне, но и внутренне“ „пренебрежительного мнения о народе-хозяине“ (Солженицын А. И. Евреи в СССР и в будущей России. С. 68–72)“⁷.

Можно ли сказать, что Новодворская, Войнович и Костырченко заблуждаются? Можно, но только в том случае, если мы будем иметь четкое определение «антисемитизма», по которому мы могли бы судить, насколько присущ «антисемитизм» Солженицыну, или какому-либо иному критику еврейства, но такого определения у нас пока нет, наоборот, фактически сложившееся в последнее время толкование этого понятия говорит о том, что наши критики Солженицына правы, да и он сам не особо отрицает это. Правда, ни сам Солженицын, ни его критики не дают четкого разъяснения термину «антисемитизм», но это вовсе не значит, что его нельзя вывести из анализа их дискурса⁸, т. е., какие конкретно действия или высказывания расцениваются как «антисемитские», например: упоминание еврейских фамилий (по Войновичу). Солженицын евреев упоминал – да, и не раз. – Следовательно, Солженицын антисемит, какие тут могут быть возражения?

Итак, что же имеют в виду наши «хозяева дискурса», когда называют разных людей от двоечников до лауреатов Нобелевской премии «антисемитами»? Думаю, не ошибемся, если скажем: все эти люди, причисляемые к т. н. «антисемитам», стоят в той или иной конфронтации по отношению к еврейству, в той или иной степени ведут с ним борьбу, короче, у тебя

⁷ Более подробно об этом в моей статье «В чем состоит „научная“ задача ученого-историка Геннадия Костырченко», опубликованной на моем сайте: <http://www.balandin.net/Kostyrchenko.htm>.

⁸ Мы определим этот термин, исходя из реалий современного языка, укоренившегося главным образом в среде самих евреев, но недавно в Интернете был опубликован перечень представлений или поступков, которые американское правительство в данный момент считает антисемитскими: 1. Любое утверждение о том, что «евреи контролируют правительство, средства массовой информации („СМИ“), международный бизнес и мировые финансы». 2. «Твердые анти-израильские убеждения». 3. «Резкая критика» руководства Израиля, теперешнего или в прошлом, является антисемитской. Госдеп считает, что к проявлениям антисемитизма следует относить изображение свастики в карикатурах, осуждающих поведение теперешних или прошлых сионистских руководителей. Например, карикатура со свастикой, критикующая Ариеля Шарона за его бесчеловечное нападение на Западный берег, сопровождавшееся дождем ракет «адский огонь» на беспомощных палестинцев, женщин и детей, является антисемитской. Как и слово «сионизм» в описании ковровых бомбардировок Шарона в 1982 в Ливане (во время которых погибло 17 500 невинных беженцев). 4. Критика еврейской религии, их религиозных руководителей, или литературы (особенно Талмуда и кабалы). 5. Критика американского правительства и Конгресса за то, что они находятся под чрезмерным влиянием еврейства (включая Комитет американо-израильских общественных отношений). [КАИОО – еврейское лобби в Вашингтоне, заслуженно считающееся одним из наиболее влиятельных в США. – Пер.] 6. Критика еврейско-сионистских сил за пропаганду глобализма («Новый мировой порядок»). 7. Обвинение еврейских вождей и их последователей в подстрекательстве к распятию Иисуса Христа. 8. Утверждение, что жертв Холокоста было меньше чем шесть миллионов. 9. Обзывание Израиля «расистским» государством. 10. Утверждения о существовании «Сионистского заговора». 11. Утверждения о том, что евреи и их вожди устроили большевистскую революцию в России. 12. «Оскорбительные заявления о евреях». 13. Непризнание за бездуховными евреями библейского права на захват Палестины. 14. Утверждение, что в подготовке атаки 11 сентября 2001 г. [на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. – Пер.] участвовала израильская разведка Моссад // <http://rense.com/general67/globa.htm>. Совершенно не обязательно подпадать под все 14 пунктов этих признаков, но хотя бы под один или два из них каждый когда-нибудь да попадет.

есть с евреями конфликт – это и называется антисемитизмом (непонятно только, почему многие критики еврейства всячески стараются отрицать свой «антисемитизм»?). Таким образом, можно сформулировать такое определение: **антисемитизм – это любое противостояние организованному еврейству или отдельным его представителям.**

Как видите, никакой особой «революции» в языке не произошло, мы пока не сказали об антисемитизме ничего принципиально нового. Примерно то же самое определение дается на сайте «Холокост» (<http://holocaust.ioso.ru/history/02.htm>): «Антисемитизм – вид национальной нетерпимости, враждебное отношение к евреям как народу». В чем отличие этого определения от нашего? – В нюансах, т. е. в дискурсе. Мы говорим: «противостояние», они: «национальная нетерпимость» (хотя в России, например, антисемитизм никогда никакой «национальной нетерпимости» не знал, русский народ вообще национально не гордый и испокон веков отличался особым страннoлюбием, утверждающим неписанный императив: то, что может быть позволено инородцу, не всегда может быть позволено своему, поэтому сам факт, что евреи относятся к другой национальности, мог только смягчить остроту конфликта. Достоевский в «Дневнике писателя» свидетельствует:

«Пусть я не тверд в познании еврейского быта, но одно-то я уже знаю наверно и буду спорить со всеми, именно: что нет в нашем простонародье предвзятой, априорной, тупой, религиозной какой-нибудь ненависти к еврею, вроде: „Иуда, дескать, Христа продал“. Если и услышишь это от ребятишек или от пьяных, то весь народ наш смотрит на еврея, повторяю это, без всякой предвзятой ненависти... Когда они молились (а евреи молятся с криком, надевая особое платье), то никто не находил этого странным, не мешал им и не смеялся над ними, чего, впрочем, именно надо бы было ждать от такого грубого, по вашим понятиям, народа, как русские; напротив, смотря на них, говорили: „Это у них такая вера, это они так молятся“, – и проходили мимо со спокойствием и почти с одобрением. <...> Уверяю вас, что и в казармах, и везде русский простолюдин слишком видит и понимает (да и не скрывают того сами евреи), что еврей с ним есть не захочет, брезгает им, сторонится и ограждается от него сколько может, и что же, – вместо того, чтоб обижаться на это, русский простолюдин спокойно и ясно говорит: „Это у него вера такая, это он по вере своей не ест и сторонится“ (то есть не потому, что зол), и, сознав эту высшую причину, от всей души извиняет еврея».

Далее, мы говорим: «к организованному еврейству», они: «евреям как народу», что, если вдуматься, то получается, что антисемиты проявляют нетерпимость к евреям за то, что они являются народом (как будто только одни евреи «народ»), однако реальные антисемиты считают евреев не «народом», а преступной организацией, к чему, собственно, и проявляют «нетерпимость». Конечно, можно было бы не придирается к таким несущественным мелочам, если бы они не были существенны для дискурса, имеющего определенную пропагандистскую силу. «Народ» ведь тоже можно рассмотреть как своего рода организацию (общность) людей, но сравните, как звучат такие обороты речи, скажи: «противник организации» – в подсознании возникает образ некоей мафии, скажи «народа» – тут же на память придет знаменитый ярлык «враг народа». Все помнят, что такое «Пятьдесят восьмая статья»? В «Архипелаге» Солженицын писал: «В похвалу этой статье можно найти еще больше эпитетов, чем когда-то Тургенев подобрал для русского языка или Некрасов для Матушки-Руси: великая, могучая, обильная, разветвленная, разнообразная, всеподметающая Пятьдесят Восьмая, исчерпывающая мир не так даже в формулировках своих пунктов, сколько в их диалектическом и широчайшем истолковании». Нет, все-таки клеймо «антисемита» несравненно шире и «всеподметающее», чем пресловутое клеймо «врага народа». Под первое подмечается всякий гой или еврей, говорящий что-либо в защиту гоя (ведь это же косвенно против «еврейского народа»).

Кому же выгодно преднамеренно искажать действительность, сочиняя заведомо ложные определения? Ведь это палка о двух концах, ибо ложные определения подразумевают и ложные несуществующие объекты, и тогда получится, что реальных «антисемитов», подходящих под

это «определение», просто не существует в природе. Можно, конечно, придумать себе образ неких «виртуальных антисемитов», проявляющих «нетерпимость» всякий раз, когда услышат слово «народ», но, насколько нам известно, ни один антисемит еще никогда не говорил, что-де враждует с народом, наоборот, большинство авторов антиеврейских памфлетов и исследований, подчеркивают, что претензий к народу и рядовым евреям у них никогда не было и нет. Так, например, «махровый антисемит» Достоевский в своем «Дневнике писателя» недоумевает: «...Когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем, чтобы уж потом об этом и не упоминать особенно».

Также и американский «антисемит» Генри Форд в своей книге «Международное Еврейство» пишет: «Тысячи мелких еврейских дельцов пользуются полным уважением, точно так же, как и десятки тысяч еврейских семейств уважаются с нами, как хорошие соседи. Критика, поскольку она направлена против выдающихся финансовых воротил вообще, чужда расового оттенка. К сожалению, к рассматриваемой нами проблеме часто примешивается расовый предубеждение, легко ведущий к недоразумениям, благодаря тому простому факту, что в длинной цепи международных финансов, сковывающей весь мир, на каждом кольце ее мы встречаемся с еврейским капиталистом, с еврейским семейством финансистов или с определенной еврейской банковской системой».

Уже этих двух цитат вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение универсальность утверждения, что антисемит – это расист, ненавидящий еврейский народ за некие «антропологические особенности». Потом, в конце концов, можно назвать «антинародным» Достоевского, Форда, меня, грешного, но сам антисемитизм, как известно, в большинстве своих проявлений есть именно народное движение, даже, можно сказать, национально-освободительное – за эмансипацию от еврейства, причем, именно тех народов, что никогда не выступали против других народов, если только те не являются его врагами и угнетателями. Могут, конечно, сказать, что «антисемиты» страдают «комплексом неполноценности» или паранойей, поэтому считают себя угнетенными, в то время как на самом деле их никто никогда не угнетал. Но тем же «комплексом» тогда, видимо, страдает и сама Тора, где первый антисемитский инцидент описывается еще во чреве праматери Ривки: «Сыновья в утробе ее стали биться, и она сказала: если так будет, то для чего мне это? И пошла спросить Господа. Господь сказал ей: два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему» (Быт. 22:23). – Больший (гойство) служит меньшему (еврейству), как точно сказано!

* * *

Теперь мы можем несколько конкретизировать наше определение: **антисемитизм – это освободительная борьба гойского большинства против угнетения еврейским меньшинством.** Однако и это определение антисемитизма еще довольно-таки аморфно, ибо из него пока не ясно, в чем суть еврейского угнетения (засилья), чем оно отличается от любого другого классового или национального угнетения, каковы особенности еврейства как организации и как идеологии – эти составляющие еврейского вопроса мы разберем ниже. Но прежде следует еще раз напомнить, что определения даются терминам, абстрактным понятиям, но никак не конкретным реальным объектам. Имея определения понятий, мы можем судить, подходят ли под них те или иные реальности или нет. Например, мы можем определить: «если нечто крикает, как утка, значит, это утка», далее мы встречаемся с неким кричающим объектом, и на основании признака крикания заключаем: это утка. Так же и все прочие наши термины, что следует особо подчеркнуть, обозначают исключительно абстрактные понятия, но

никак не конкретных живых людей из плоти и крови. Однако они фиксируют отдельные качества, характеристики, особенности людей, отнюдь не взятые нами «с потолка» или из тех или иных фантастических романов, наподобие «антисемитов – врагов народа», но выведенные из непосредственно наблюдаемых нами явлений, актуально проявляющихся в конкретных людях и вещах.

Так, например, когда мы говорим «еврей», мы не подразумеваем конкретного человека, взятого как некая субстанция (материальность), и даже не конкретные физические феномены, проявляемые той или иной человеческой субстанцией, как, например, чернота кожи у негров, белизна у европейца, особый склад ума или черты характера, мы подразумеваем самого обычного человека, но такого, который в силу тех или иных обстоятельств обладает особым социальным статусом еврея, никак не обусловленным его собственными личными особенностями. Он мог унаследовать сей статус от родителей, приобрести, пройдя гиюр, купить за взятку, воспользоваться ошибкой паспортистки и т. п. Однако и это еще не делает его евреем, иначе любого голя можно было бы считать евреем, если без его ведома тот или иной чиновник припишет ему еврейскую национальность (а ведь, в принципе, в «пятой графе» можно и слово «верблюд» написать, докажи потом, что не так), **мы же считаем евреем только того, кто принадлежит организованному еврейству и лично принимает для себя эту принадлежность.**

В этом смысле еврей являет собой определенные качества (или «антикачества») еврейской ментальности, ведет свой образ жизни в соответствии с еврейскими «понятиями» (еврейской парадигмой), что ставит его в конфликт с нееврейским миром и делает субъектом еврейского вопроса. Но и такие качества, как еврейская ментальность, еврейская парадигма, в свою очередь, также являются абстрактными понятиями, хотя всякое абстрактное в конечном итоге определяется конкретным, ибо ни одно понятие не имеет практического смысла, если его содержание не может быть продемонстрировано на наглядном примере. Поэтому, дабы не показалось, что наши термины просто набор высосанных из пальца условностей, чем, по нашему мнению, грешат многие доктрины, особенно религиозные, и особенно религиозные относительно еврейства, и особенно у евреев, почти не способных объективно смотреть на самих себя, мы постараемся их обосновать и показать, из каких конкретных фактов и наблюдаемых феноменов выводится нами то или иное абстрактное обобщение. Наши определения, если и отличаются от традиционных, то отнюдь не ради оригинальничания или экстравагантности, но именно ради того, чтобы они могли быть релевантными проблемам, имеющим место в действительности. Так, например, для нас нерелевантно традиционное определение нации по пяти признакам: общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, ибо ни один чиновник, особенно в Израиле, не заполнит вам «пятую графу», исходя из сих теоретических принципов, так как для него принадлежность нации есть прежде всего обладание определенным правовым статусом, определяющим общественное положение, карьеру и судьбу того или иного субъекта. Таким образом, существенным атрибутом понятия «нация» является право, какое именно, мы уточним ниже.

Потом, так как мы постоянно вынуждены обращаться к реальности за примерами, мы вынуждены говорить и о конкретных людях, судить их и рядить, давать им определенную характеристику, а как можно дать какую-либо характеристику, не соединяя абстрактное с конкретным, общее с частным и единичным? Поэтому нам придется общие абстрактные понятия переносить на тех или иных конкретных индивидов. Но чтобы не было недоразумений, недопониманий и обид, мы считаем необходимым отличать «конкретного еврея» от «еврея абстрактного». Уточним эту разницу: Еврей конкретный – это может быть любой человек, называющий себя «евреем» или всякий, кого называют евреем. Сущность его не подлежит для нас однозначному определению, ибо, как объективная реальность, он представляет собой, и для нас, и для самого себя, вещь в себе. Однако в разные моменты своего существования он может проявлять или не проявлять разные качества (сущности). Сейчас он может, например,

предстать пред нами в том качестве, которое мы обозначили как «абстрактный еврей», но это не значит, что через час он не может предстать перед нами «антисемитом», а когда-нибудь и вообще умереть и превратиться в прах.

Таким образом, если мы кому-то говорим: «Ты еврей», это значит только одно: «Ты в данный момент проявляешь качества абстрактного еврея». Часто говорят, например: «больной выздоровел», но с точки зрения формальной логики, здесь содержится недопустимое противоречие: больной не может быть здоровым по определению – это так, но только тогда, когда суждение касается абстрактного больного, но если говорят о конкретном человеке, который был больным, а теперь здоров, то, разумеется, никакого противоречия здесь нет, наоборот, отождествление конкретного с абстрактным, есть, как мы уже говорили, гипостазирование – недопустимая логическая ошибка.

Однажды в интернетской дискуссии на тему: что такое «антисемитизм», я получил интересный аргумент. Мой оппонент признал, что антисемитизм – это, по сути, любая критика еврейства, и, несмотря на это, заявил: «Само понятие „критик еврейства“ антисемитское». – Можно было бы возразить: «Ну и что? Разумеется, антисемитское, и что в этом плохого?» – Оказывается, вот что: «За конкретные дела (допустим: решение о развязывание войны, огонь не по боевым целям, распятие Христа, экономические реформы в России, если хотите) отвечают конкретные люди, а еврейство, как целое это плод антисемитских фантазий». Да, как ни странно, у многих евреев, и не только евреев, наряду с мистицизмом и оторванностью взглядов от реальности, проявляется вульгарный эмпиризм, выражаемый постулатом: «нельзя обобщать». Как только высказывается какое-либо мнение по еврейской теме, сразу раздаются возмущения и протесты: «Да как можно всех грести под одну гребенку!», «Да он клеветает на весь народ!» и т. п. Я тогда обычно спрашиваю: если о еврействе нельзя высказать ничего определенного, то почему же вообще существует это слово? Какой смысл вы вкладываете сами, говоря: «Мы евреи»? Но пока еще никто из моих оппонентов не смог ответить на эти элементарные вопросы.

Таким образом, не делая обобщений, невозможно судить ни о частном, ни даже о единичном, поэтому, если уж вы хотите кого-то как-то называть (хоть евреем, хоть антисемитом), то этому «чему-то» должны дать определение по форме «ВСЕ». Иными словами, без обобщения нет дискурса никакого, потому об эмпиризме нельзя и говорить как о дискурсе, и на полемику с эмпиристами мы даже не будем тратить время, ибо, при всем нашем к ним уважении, у нас разные предметы исследования: у них – факты, у нас категории и обобщения.

Конечно, не всегда и не всякое обобщение корректно, но совсем без обобщений в принципе невозможно какое бы то ни было рассуждение. Некоторые, правда, говорят, сами не понимая какой абсурд они этим несут: «Обобщай, но не говори слово „все“. Тут им не мешало бы знать, используется ли слово „все“ или не используется, во всяком обще-утвердительном или обще-отрицательном суждении оно всегда подразумевается. Более того, всякое общее классовое понятие, как, например: евреи, гои, конфликты, субъекты и т. п. по умолчанию подразумевает всеобщность „все“. Когда, например, Цветаева говорит: „В сем христианнейшем из миров поэты – жида“ (Поэма конца), то в сей фразе, конечно, не имеются в виду „некоторые поэты“, так же как и не имеется в виду „всякий, кто называет себя поэтом“.

Конечно, она говорит о поэтах идеальных, абстрактных. Кто такой „идеальный“ поэт – это уже другой вопрос, здесь нужно спросить Цветаеву, какой смысл она вкладывает в это понятие. Для нас же важно отметить, что все классовые понятия идеальны, об идеале у каждого могут быть свои представления, реальные же вещи либо соответствуют идеалам либо не соответствуют. Потому в русском языке, где нет артиклей и нет явного различия между неопределенным абстрактным английским „a“ и определенным конкретным „the“ („He is a jew“ и „He is the jew“ – „он еврей“ и „он тот самый еврей“ – смысл не один и тот же), манипуляторы особенно любят прибегать к софизмам, где общее подменяется частным, а частное общим. Возьмем,

к примеру, знаменитую апорию Эпименида Критского (VI в. до н. э.): „Все критяне лгуны“ и представим себе, как наши „умники“ поправляют древнего мудреца, мол, следует сказать: „Некоторые критяне иногда лгут“, само собой разумеется, тогда бы не только никакого софизма не было, но и никакой мудрости и мысли вообще (как все просто и понятно без мудрости то!). Но не дураки же ломали свои головы над этим парадоксом на протяжении тысячелетий, потому что, если речь идет о критянах, значит, о критянах во всем объеме этого понятия, аналогично и о лжецах, иначе нужно подвергнуть сомнению сами основы логики, нашу способность рассуждать, ибо если все суждения частные, то из них нельзя сделать никакого вывода – философы это понимали. Это означало для них не просто шутку, но целую катастрофу для науки, для правосудия, для государства (история знает случаи самоубийств отчаявшихся разрешить этот парадокс), если так можно манипулировать с понятием „критянин“, то чего стоят все остальные наши понятия?

Вот такую задачку поставил им старый грек. Только у идиотов всегда все просто, потому и „свинья Минерву учит“, свинячье мышление никогда не поднимается выше конкретного: „Когда бы вверх могла поднять ты рыло...“. Конечно, если еврей скажет: „Все евреи лгуны“, мы скажем, что он тем самым вычеркнул сам себя из понятия „еврей“, хотя и понятия исключительно данного контекста суждения. Если он говорит правду, то не может принадлежать лжецам, если он лжет, то не может относиться к правдивцам. Даже когда человек судит о самом себе: „Я лгу“, он и объект его суждения не одно и то же. И что бы вообще мы ни говорили сами о себе или о том классе понятий, к которому себя причисляем, здесь „я“ и „я“ всегда будет не одно и то же, ибо первое „я“ – **субъект**, а второе „я“ – **объект**. Судящий всегда снаружи, в момент суждения, рефлексии, он перестает быть самим собой. Когда Иуда сказал: „согрешил я, предав кровь невинную“ (Мф.27:4), он уже не был больше Иудой-предателем, он был судьей, сам себе вынесшим приговор.

Таким образом, корректно сформулированное обобщение не предполагает никаких исключений и разнотолков, но оно также не может претендовать на свою неизменную адекватность и универсальность относительно исследуемых им реалий действительности.

* * *

Теперь давайте перейдем на примеры некоторых типичных „обобщений“ филосемитского дискурса и посмотрим, какие логические выводы из них получаются.

Вспомним вышеупомянутое высказывание Войновича:

Первая посылка: „От всех антисемитов воняет“.

Вторая посылка: „Солженицын антисемит“.

Заключение: „От Солженицына воняет“.

Или возьмем часто цитируемое „определение“ Василия Гроссмана из книги „Жизнь и судьба“: „Антисемитизм есть выражение бездарности“ и выстроим из него силлогизм по тому же модусу:

Первая посылка: „Антисемитизм есть выражение бездарности“.

Вторая посылка: „Всякий конфликт с евреями есть антисемитизм“.

Заключение: „Всякий конфликт с евреями есть выражение бездарности“.

Логических нарушений в построении этих умозаключений нет, следовательно, либо придется соглашаться с выводами, либо признать, что исходные посылки некорректны. Вспомним в этой связи излюбленный аргумент еврейских апологетов против антисемитов: „Нельзя обобщать!“.

Как, по-вашему, уважаемые господа, Войнович, когда говорит: „от антисемитов воняет“, он обобщает, или нет? А Новодворская, когда говорит: „антисемиты – двоечники“? А Гроссман, когда пишет: „Антисемитизм есть выражение бездарности“?

Все правильно, обобщают, ибо никто бы не стал против этого возражать, если было бы сказано: „от некоторых антисемитов воняет“, „некоторые антисемиты – двоечники“, „иногда антисемитизм есть выражение бездарности“, но ведь именно для того и обобщают, чтобы прийти к частным выводам: „от Солженицына воняет, так как он антисемит“, „ты двоечник и бездарность, ибо критикуешь с евреев“. С другой стороны, как мы уже говорили, всякое определение должно содержать в себе всеобщность „все“, иначе оно ничего не определяет, кроме одного-единственного конкретного случая. Но раз уж ты определил „антисемита“ двоечником, вонючим, бездарностью, тогда и применяй свой термин исключительно к двоечникам, вонючим и бездарностям, но не к лауреатам Нобелевской премии.

Нередко к ошибочным выводам приходят из-за того, что в посылах исходят не из сути термина, а из его этимологии, и через этимологию пытаются определить проблему. Так, например, можно построить такое рассуждение:

По теориям некоторых ученых XIX века, еврейство относится к семитской расе, антисемитизм есть борьба с еврейством, следовательно, антисемитизм есть борьба с расой, иными словами, это расизм.

Однако мы знаем, что Россия, в отличие от Европы, никогда не знала расизма, следовательно, там никогда не могло быть „антисемитизма“, а также и борьбы с еврейством по определению. Тем не менее определенная борьба с еврейством в России вплоть до настоящего времени была всегда, это нельзя отрицать.

Та же ошибка и в противоположном рассуждении:

В России власти боролись с еврейством, такая борьба называется „антисемитизмом“, что, как известно, является формой расизма, следовательно, российские власти были расистами.

Что здесь неправильно? В обоих случаях берется на вооружение весьма сомнительное определение: „антисемитизм – это расизм“ на том основании, что когда-то под этим словом понималось противоборство рас. Однако даже противоборство рас не есть расизм, ибо объектами этой борьбы никогда не были те или иные расовые признаки. Допустим, что евреи раса – ну и что? Борьба с евреями не обязательно суть борьба с расой. Так же как всякий преступник суть человек, но Закон, который борется с преступниками, отнюдь не является античеловеческим.

Вот такими навязанными противоречивыми определениями искажается картина реальной действительности, ибо у эссенциалистов определения всегда первичны, и от того, каковы они, зависит их взгляд на реальность. Хорош был бы тот врач, который знал лишь один-единственный диагноз какой-нибудь чисто теоретической болезни и всегда, когда бы он ни находил ее теоретических симптомов у реального больного, делал бы выводы, что больной здоров. – Здесь примерно то же самое, это и есть эссенциализм в чистом виде. Но давайте хотя бы иногда будем отвлекаться от своих догм, определений и этимологий и спрашивать больного, на что он жалуется. „Больной“ в данном случае у нас „антисемит“, поэтому в определении его „болезни“ нужно исходить из его жалоб. Но здесь возникает вопрос: можно ли считать всякого, кто имеет какую-либо жалобу или претензию к еврею, „больным“ антисемитизмом?

Тут имеется еще одно определение антисемитизма, которое почему-то очень не нравится многим евреям: „Антисемит тот, кто не любит евреев больше, чем они того заслуживают“ (эти евреи, видимо, полагают, что у гоев вообще не может быть никаких причин хоть для малейшей нелюбви к представителям „избранного“ народа), иными словами, здесь антисемитизм определяется как несправедливое отношение к евреям. Однако нам это определение тоже не нравится, но по другой причине – потому что содержит в себе логическую ошибку, называемую предвосхищением основания (*petitio principii*), когда заранее вносится тот тезис, который требуется доказать впоследствии. Примерно та же ошибка заключена и в определении Энциклопедического словаря: „Антисемитизм – форма национальных и религиозных предрассудков и нетерпимости, враждебное отношение к евреям“. И в самом деле, ведь ни один же антисемит

не считает, что его претензии к евреям несправедливы, а его мнение о евреях – предрассудки, поэтому тот, кто с ним не согласен, должен прежде опровергнуть его доводы в пользу своей позиции, но, заранее ставя клеймо, ни о какой корректности спора уже речи быть не может, и таким образом всегда в подобных дискуссиях образуется порочный круг (*circulus vitiosus*): хотят доказать, что антисемитизм несправедлив, основание: потому что антисемитизм есть несправедливость к евреям. Поэтому мы вынуждены удовлетвориться тем определением, что антисемитизм есть выражение всякого противостояния еврейству как справедливого, так и несправедливого.

Существует, правда, один предрассудок, из-за которого действительно всякая критика евреев выглядит несправедливой. Полагают, что будто бы еврей не может сам выбирать, быть ему евреем или нет, так же, как никто не может по своему желанию родиться с белой или с черной кожей. При этом все почему-то убеждены, что антисемиты не любят евреев за некие врожденные антропологические особенности, от которых невозможно избавиться, хотя никто никогда эти особенности не определял и не конкретизировал. Не знаю, может, и существуют такие качества, как говорят, что существует врожденная преступность, врожденная склонность к алкоголизму, к определенным сексуальным извращениям и т. п. Ну так как, господа, вы считаете, что евреи чем-то подобным страдают от рождения? По-вашему, „еврей“ – это врожденно, неизлечимо и неисправимо? – Решайте, да или нет. Но я одно могу вам сказать: не существует в природе такого антисемитизма, который бы осуждал евреев не за пороки, а за добродетели⁹.

Потом, если уж следовать принципу врожденности, то его никак нельзя распространять исключительно лишь на евреев (всякий принцип универсален), а это значит, что и любую критику антисемитизма надлежит признать несправедливой, ибо антисемит также не может выбирать, родиться ему евреем или антисемитом, поэтому нет ничего предосудительного в том, что люди в силу своего рождения относятся к той или иной стороне не по их вине существующего конфликта, ибо каждый из нас может быть просто втянутым в конфликт, сам того не желая. Почему же тогда всех тех, кто конфликтуют с евреями, причисляют к двоечникам или к тем, от кого „воняет“? Может быть, я ошибаюсь, на самом деле Гроссман, Новодворская и Войнович имели в виду не статус пешки на поле разыгравшегося конфликта, а создателей и подстрекателей самого конфликта – „игроков“? Да, в каждом конфликте есть свои подстрекатели, свято место пусто не бывает, но роль их не такая уж первостепенная и определяющая, как кажется на первый взгляд, ибо вряд ли многого добились бы смутьяны, если бы у конфликта не было объективных причин. Поэтому вешать ответственность за еврейский вопрос на одних лишь подстрекателей-антисемитов так же несправедливо, как видеть причины революций в революционерах.

Но даже если предположить, что причины всех конфликтов исходят исключительно из подстрекателей, лжецов и клеветников, то определение их позиции не должно ограничиваться неопределенным „враждебным отношением“, но должно, как минимум, показать, в чем обвиняется противоположная сторона: за что антисемиты не любят евреев, и за что евреи – антисемитов, в чем неправы взгляды одних относительно других. Определение причин и сути враждебного отношения к евреям и будет полным определением антисемитизма. Такое определение содержится уже в самом термине: „анти-семитизм“ – т. е. отрицание семитизма, иначе еврейской парадигмы – совокупности специфически еврейских качеств и моделей поведения, которые мы рассмотрим ниже.

Следовательно, полное определение антисемитизма и еврейского вопроса невозможно дать без всестороннего рассмотрения всех объективных факторов этого конфликта, оставив в

⁹ Русский публицист Михаил Осипович Меньшиков в 1909 году писал: «Нас обвиняют в „человеконенавистничестве“, когда мы осмеливаемся сказать о евреях немножко правды. Но в еврее антисемиты ненавидят вовсе не человека, а именно еврея, и ненавидят именно за то, что он недостаточно человек» («Письма к русской нации»).

покое использующих эти факторы подстрекателей, тем более что мы к ним никак не относимся. Пойдем и здесь от общего к частному и рассмотрим прежде, что такое конфликт вообще, зададимся вопросом: имеются ли в действительности объективные противоречия интересов между людьми, не касаясь евреев? И здесь также вряд ли найдется много желающих нам возражать, если мы скажем: да, имеются, или, по крайней мере, они бывают, периодически возникают или могут возникнуть.

Тогда давайте посмотрим, что же такое конфликт как таковой и какие составляющие его образуют, дабы в дальнейшем не было путаницы в терминах, нам необходимо их как-то выделить и определить.

* * *

Наиболее общепринятым определением конфликта считается определение американского социолога Кеннета Эварта Боулдинга, по его мнению, конфликт – это ситуация, в которой каждая из сторон стремится занять позицию, несовместимую и противоположную по отношению к интересам другой стороны. Исходя из этого определения, следует отметить, что во всяком конфликте должны быть стороны, как минимум, две, между которыми имеются противоречия. Стороны эти называются (и мы их так будем называть) **субъектами конфликта**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.